

Г. АЛМОНД

ХРИСТИАНСКИЕ ПАРТИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ*

Противопоставление мирной и прогрессивной политики Советского Союза финансовой олигархии с Уолл-стрит, фашистам и коллаборационистам, Ватикану и правым социалистам-«подхалимам» – клише коммунистической пропаганды. Создается общее впечатление, что монолитный и зловредный альянс всех реакционных меньшинств настраивал невинные и миролюбивые массы на войну против Советского Союза и «новой демократии». Вряд ли мы пойдем против истины, если скажем, что коммунисты не делают особых различий между составляющими этого альянса. И все же по крайней мере одно слово правды в этом несколько суровом суждении о внешнем мире есть. Действительно, сегодня в мировое противоборство вовлечены не только и, возможно, даже не в первую очередь нации-государства. Идеологические и политические движения как регионального, так и всемирного масштаба становятся все более важными участниками мировой политики. Позиция западного европейца по наиболее значительным вопросам внешней политики в текущей кризисной ситуации в большей степени определяется партийной принадлежностью, а не национальностью.

«Третья власть» в Западной Европе, которую пытаются усилить США, действительно является «третьей силой», если понимать под этим термином совокупность партий умеренно-демократического центра в регионе в целом. Справа от нее находятся консервативные националисты, отвергающие ограничения власти государ-

* Сокращенный перевод с англ. статьи: *Almond G. The Christian parties of Western Europe // World Politics. – Princeton, 1948. – Vol. 1, N 1. – P. 30–58.*

ства, которые подразумевает «третья сила», слева – коммунистические партии, следующие приказам Москвы и Коминформа.

Главной частью «третьей силы» являются социалистические и христианские партии, представляющие собой международные движения. Эти партии вместе с меньшими либеральными и умеренно-консервативными партиями преследуют политические цели, схожие с целями США. Они имеют общий интерес по недопущению дальнейшего разрушения ценностей личной свободы и добропорядочности решительными политическими солдатами коммунизма. В американских интересах с точки зрения как морали, так и целесообразности вести свою внешнюю политику так, чтобы поддерживать эти умеренные течения центра.

Из всех политических движений «третьей силы» в Западной Европе христианские партии являются и наиболее крупными, и наименее известными в США. Многие американцы неохотно доверяют политическим партиям, программа которых основывается на религиозных доктринах, особенно католицизме, который до сих пор сохраняет принципиальную приверженность требованиям универсализма и эксклюзивности и во многих странах ассоциируется с антидемократическими движениями. В Испании и Португалии церковь и значительное большинство католиков поддерживают авторитарные режимы. <...> Но в пяти странах с самым большим населением и экономическим потенциалом (Австрия, Бельгия, Франция, Италия, Нидерланды) это движение завоевало сторонников, проповедуя демократические и анти тоталитарные принципы. Во всех странах, кроме Франции, оно обладает самой сильной электоральной поддержкой. <...>

В каждой из стран христианские партии имеют от трети до половины министерских постов, а их представительство в нижних палатах легислатур колеблется от 53% в Италии до 27% во Франции. <...> В землях Германии они представляют собой коалиции католиков и протестантов; в американской зоне их поддержали более 48% избирателей, во французской – более 57, в английской – 37 и советской – более 24%. <...>

Америке сложно доверять странам Западной Европы еще и потому, что коалиционные правительства не только преимущественно католические, но и социалистические: социалисты представляют собой вторую по значению силу центристских объединений. В преимущественно протестантской и либеральной Америке

стереотипные представления о марксистской и католической идеологиях препятствуют непредвзятому пониманию западноевропейской политики. Если ответственно подходить к использованию американского влияния, то наша политика должна принять во внимание как различия, так и схожие черты между политическими концепциями США и концепциями наиболее значимых некоммунистических движений Западной Европы. Сложилась ситуация, в которой недалновидная приверженность американским ценностям и неверное толкование европейских могут иметь серьезные последствия для вопросов нашей безопасности в этом регионе.

В этом кратком обзоре политических характеристик христианской демократии мы рассмотрим следующие проблемы: 1) политическую и социальную составляющие современных христианских партий; 2) международные связи различных партий и их отношения с церковной иерархией и Ватиканом; 3) их отношения с другими политическими течениями и возможные роли этих течений в дальнейшем развитии политики Западной Европы.

I

Христианская демократия, доминирующая политическая организация католического населения Западной Европы, является новым политическим феноменом. До Второй мировой войны очень большая часть католиков региона крайне недоверчиво относились к демократии, если не были открыто антидемократичны. Они рассматривали демократию как служанку большевизма и предпочитали авторитарные режимы, такие как в Австрии, Португалии и Испании. Подлинно демократические течения политического католицизма были крайне немногочисленны. Их поддерживали некоторые католические профсоюзы, часть городского среднего класса и ряд преданных интеллектуалов и представителей духовенства.

Значительный сдвиг в идеологии от преимущественно традиционной и авторитарной в довоенный период к демократической и отчасти коллективистской после войны позволяет выдвинуть ряд гипотез. Вряд ли можно рассматривать это как результат простого изменения настроения масс. На самом деле имел место сдвиг в сознании элит, которому есть два основных объяснения. Во-первых, коллаборационистские и авторитарные элементы в политическом католицизме были дискредитированы (но не ликвиди-

рованы) вследствие военного поражения держав Оси. В то же время демократическое руководство приобрело авторитет за счет «сопротивления» и воинственной поддержки союзников в войне. Во-вторых, Ватикан и национальные иерархии использовали значительную долю своего влияния в католических общинах ради поддержки успешного христианско-демократического руководства. Этот шаг окончательно обеспечил победу на выборах различным национальным [христианским] партиям. Церковь, действуя через духовенство и различные ассоциации мирян, привлекла большую часть верующих католиков, независимо от их политических убеждений, в ряды христианско-демократических партий.

Вторая выдвинутая гипотеза заключается в том, что если демократическая позиция партийных лидеров основана, несомненно, на истинных убеждениях, то поддержка, оказанная демократическим режимам Ватиканом и иерархиями, продиктована целесообразностью. Ничто не позволяет предположить, что фундаментальный политический принцип Церкви был в какой-то степени изменен. Она поддерживает демократические правительства и демократические партии, когда такая политика будет защищать или укреплять положение Церкви. Она отзовет свою поддержку, если демократические институты будут, по ее мнению, серьезно угрожать интересам Церкви или если они окажутся слишком ненадежными для того, чтобы связывать с ними свою судьбу. <...>

В пользу этой гипотезы в части нестабильности некоторых элементов христианских партий говорит и то, что эти движения социально и политически гетерогенны. Это единственные политические партии в континентальной Западной Европе, которые похожи на главные американские партии по охвату очень широких групп интересов. Цементируют эти различные группы две силы: религиозная вера и практические соображения, которые могут иметь временный характер. <...>

Третья гипотеза заключается в том, что консервативные и авторитарные элементы, в первую очередь католики, но и протестанты в Германии, нашли пристанище в этих партиях в основном потому, что исторические партии правых были дискредитированы. <...>

Нет необходимости вдаваться в новые подробности, чтобы показать, что округа, где сильны христианско-демократические партии Западной Европы, едва ли можно считать однородными по политической окраске. Вполне вероятно, что большинство голосующих за эти

партии не являются демократами по убеждению, но это не значит, что они убежденные антидемократы. Можно выделить по крайней мере пять элементов в современном политическом католицизме: 1) сторонники авторитаризма, 2) консерваторы, 3) традиционалистские, неполитические элементы, 4) «чистые» демократы-католики и умеренные коллективисты и 5) католические революционеры. <...>

Именно авторитарное крыло политического католицизма весьма невелико. Его значение в том, что это кризисное руководство, которое поведет за собой многих последователей при дальнейшем обострении политического конфликта. Часть этих последователей может происходить именно из консервативного и традиционного секторов христианских движений. Представители консервативной тенденции политического католицизма также немногочисленны, но имеют сильное влияние в самой Церкви и в сельских регионах. Католики – крупные землевладельцы и католики – промышленные предприниматели Бельгии, Франции, Германии, Австрии и Италии – основа католического консерватизма. Они чрезвычайно влиятельны среди одного самого крупного сегмента христианских партий – традиционного фламандского, баварского, итальянского и французского крестьянства, а также среди отдельных слоев городского католического среднего класса, групп, которые являются крайне религиозными и чаще всего политически апатичны и индифферентны. <...> Эти традиционные элементы политического католицизма, хотя и не принадлежат к консервативным католическим высшим слоям, особенно расположены к консервативной политике. В нормальных условиях они представляют собой группу электората, которая может быть «предоставлена» церковным руководством. <...>

Аграрный и городской сектора консервативного и традиционного политического католицизма также отчасти различаются в своих политических убеждениях. Городские католические средние и высшие слои чаще занимают либеральную экономическую позицию и принаровились к партийной политике и парламентаризму. Сельские жители более восприимчивы к традиционным авторитарным и патерналистским идеям и практикам. Так как духовенство и представители военных специальностей в большом количестве рекрутируются из этих социальных и региональных «тихих заводей», западной культуры, следует ожидать, что элиты католического авторитаризма будут формироваться из священнослужителей в

сельской местности, военных и латифундистов. Католический консерватизм (в смысле «либеральной экономики») чаще всего находит своих лидеров в среде городских специалистов-профессионалов и высших слоях промышленников и торговцев.

Хотя эти три тенденции – авторитаризм, консерватизм и традиционализм – различаемы, серьезные политические кризисы заставляют забывать о различиях и достигать единства. В обычных условиях эти правые католики скорее будут солидаризироваться с некатолическими правыми. В моменты кризисов союз с решительными и воинственными авторитарными и неофашистскими силами может быть предпочтительнее. <...>

Четвертая группа состоит из демократических и социал-реформистских элементов из числа католиков-интеллектуалов, левоориентированных представителей среднего класса и большей части католических профсоюзных активистов. Профсоюзные деятели оказывают самую широкую последовательную поддержку «чистой» католической демократии. Эти течения быстро разрослись после войны. <...>

Общественная позиция истинно демократического течения политического католицизма умеренно левая. Оно выступает за социальную ответственность промышленных монополий, а для остальной экономики – за сочетание частных малых предприятий и крупных предприятий с кооперативной формой собственности. Эти взгляды получили значительное распространение в послевоенный период, потому что молодое и горячее руководство Сопротивления быстро выдвинулось в партиях на первые позиции. Но вряд ли их влияние распространяется далеко за пределы католических профсоюзов и специалистов и интеллектуалов, представляющих городской средний класс.

Невозможно точно определить количество сторонников различных течений западноевропейского политического католицизма. Три описанные выше правые группы, вероятно, составляют большинство сторонников христианских партий. Более правые группы католического населения идут за правыми движениями типа голлистского Объединения французского народа, монархистов и Фронта обычного человека (Qualunquists) в Италии. Эти крайне правые партии являются «клерикальными» в том смысле, что отстаивают интересы Церкви в сфере образования и пр. <...>

Хотя христианские «радикалы» и «революционеры» более малочисленны и имеют меньшее влияние, они представляют собой весьма интересное явление – верующих католиков, которые считают возможным соединить веру с марксистскими идеями. <...>

В то время как для политического католицизма характерны эти пять тенденций, наиболее значительные группы сторонников христианских партий – консерваторы, традиционалисты с аполитичным мировоззрением и умеренно левые демократы. На вопрос, являются ли христианские партии правыми или центристскими, с уверенностью ответить нельзя. Ответ отчасти зависит от позиции Ватикана и национальных [клерикальных] иерархий, которые могут развернуть многих далеких от политики католических избирателей в нужном направлении. Церковные лидеры в свою очередь ограничены в свободе действий неоднородным типом поддержки этих партий. <...>

На основе принципа максимизации политической силы Церковь вынуждена поощрять центристскую политику. Но ее возможности продвигать конформизм ограничены. <...>

II

Распространенное заблуждение – приписывать Ватикану монолитный контроль над политическим участием католиков. Конечно, несомненно, что Ватикан часто и агрессивно вмешивается в политические события, но будет преувеличением рассматривать христианские партии только как длинную руку Ватикана. Преувеличением также будет считать различные национальные группы духовенства единой и дисциплинированной политической силой под прямым контролем Святого Престола. Католицизм не может сравниться с коммунистическим движением по степени дисциплины и централизованного контроля.

Любой основательный анализ отношения Ватикана к христианским партиям должен разделять теорию и практику. Формально Ватикан и католические иерархии озабочены вопросами веры и морали. Только там, где политика посягает на эти вопросы, Ватикан и национальные иерархии приобретают право вмешательства. Католическое определение веры и морали стремится к достаточно гибкому стандарту. На основе логического развития церковной доктрины, а также исторических примеров «вера и мораль»

могут быть превращены в действительно серьезное орудие. Так, атака Церкви на либеральную и социалистическую политическую философию в XIX в. была аргументирована тем, что эти учения были атеистическими и угрожали надлежащему функционированию Церкви как хранителю веры и нравственности. <...> В настоящее время церковь запретила католикам присоединяться к коммунистическим движениям и предупредила об опасности членства в некаатолических партиях и профсоюзах.

В политических вопросах, касающихся веры и нравственности, многое зависит от серьезности применяемых санкций. Церковь может осудить действие как «грех» определенной степени тяжести или «ошибку» или же просто может рекомендовать отказаться от конкретного политического курса. Запрет движений или отлучение от церкви применяются крайне редко. Возможно, церковь сочла, что авторитет Папы и епископов лучше всего поддерживается редким обращением к мерам «принуждения». <...>

Типичная форма политического влияния Ватикана и иерархий – предложения и рекомендации, форма давления, которая эффективна для основной массы верующих. Примером такого влияния было письмо Папы к участникам Социальной недели¹ во Франции, где он высказал мнение, что Франция слишком далеко продвинулась в программе национализации и что целесообразно сделать паузу и подождать результатов этих реформ. <...>

Политическое вмешательство со стороны отдельных национальных иерархий в Западной Европе в основном было вызвано двумя факторами: образовательным вопросом и восприимчивостью некоторых католиков к коммунистической пропаганде. <...>

Эффективность различных вмешательств усиливалась особым положением духовенства в ряде крупных центров христианско-демократического влияния. Для аполитичного верующего католика слово приходского священника всегда подкреплено силой высшего наказания, хотя оно не может быть ниспослано в отношении политических вопросов. В сельских районах Италии, Фран-

¹ Социальные недели (*Semaine Sociale*) – периодически организуемые католическими активистами публичные семинары во Франции, Италии, Бельгии, Канаде и других странах, на которых обсуждаются актуальные проблемы социально-политической и экономической жизни в свете социальной доктрины Ватикана. – *Прим. перев.*

ции, Бельгии, Германии и Австрии христианская партийная организация часто неотличима от аппарата Церкви. <...>

Тем не менее было бы нехорошей ошибкой считать, что вся католическая церковь является монолитной политической силой. В этом сложном сообществе Ватикан, возможно, допустимо рассматривать как арбитра между конфликтующими политическими течениями. Общие места и неясности в официальных коммюнике Ватикана обусловлены его усилиями, во-первых, избежать впечатления о слишком прямом вмешательстве в политику и, во-вторых, удержать в стане Церкви все неоднородные политические течения, которые движут мировым католицизмом. Конечно, между этими фракциями идет постоянная борьба за использование поддержки Ватикана в своих интересах. Также нет сомнений, что политические пристрастия Папы, бюрократии Ватикана и папского окружения будут влиять на направление оказываемого давления. В то же время в теле Церкви традиции и социальный состав конкретного национального клира обуславливают довольно эффективное сопротивление интервенциям Ватикана. <...> Возможно, самым важным проектом католической церкви по поддержанию политического контроля над мирянами является «Католическое действие»¹. <...>

Таким образом, влияние Церкви на политическое поведение католиков реализуется и путем открытого вмешательства (на том основании, что речь идет о вопросах веры и нравственности), и посредством формальных наставлений верующих по политическим вопросам, и через перечисленные неформальные каналы. Помимо церковных директив, политический католицизм координируется на трех уровнях. Первый – это формальные и регулярные контакты между лидерами христианских партий разных стран. <...> Второй – постоянная коммуникация через структуры Церкви и каналы, находящиеся под ее влиянием. Епископы, архиепископы, представители клира из всех областей часто встречаются в Риме, получают католическую литературу от Ватикана и из других стран, участвуют в обмене периодическими изданиями и поддерживают переписку. Католические ассоциации, такие как

¹ «Католическое действие» – общее название ассоциации различных католических организаций мирян (молодежных, женских, профессиональных, благотворительных и т.п.), функционирующих под руководством Ватикана и национальных иерархий. – *Прим. перев.*

«Католическое действие», направляют делегатов на конференции друг друга и обмениваются публикациями. <...> Третий – сама католическая доктрина по политическим, экономическим и социальным вопросам в авторитетной интерпретации Ватикана и высшего духовенства отдельных стран. В отношении современных политических проблем две папские энциклики приобрели характер основополагающих документов современного политического католицизма. Это энциклики *Rerum Novarum* Льва XIII и *Quadragesimo Anno* Пия XI. <...> Несмотря на расплывчатость формулировок, они являются отправными точками для политической программы христианских партий.

III

Наиболее устойчивыми европейскими идеологическими антагонистами последнего столетия были марксизм, либерализм и различные традиционные и авторитарные течения, среди которых католицизм, пожалуй, был наиболее значимым в Западной Европе. В послевоенный период каждое из этих трех течений стремилось найти общую платформу с другими и делало это более серьезно и настойчиво, чем в любое время до Второй мировой войны. Отчасти это было тактическим приспособлением к давлению слева и справа, но было бы ошибкой не обратить внимание на аккомодацию принципов. В социалистическом гуманизме марксизм приблизился к либеральной демократии и превратился в демократический коллективизм. В христианской демократии католицизм идентифицирует себя с народным правлением и отчасти с умеренными коллективистскими идеалами. В то же время в либерализме развились тенденции, воспринимающие в ограниченном объеме коллективизацию или толерантные к такому экспериментированию при соблюдении демократических рамок.

Эти идеологические аккомодации отражены в политических альянсах современных правительств Франции, Италии, Австрии, Бельгии и Нидерландов и ряда немецких земель. Леон Блюм¹ в тщетных попытках сформировать правительство после падения кабинета Рамадье назвал эти политические альянсы «третьей си-

¹ Леон Блюм – лидер французских социалистов, трижды возглавлявший французское правительство, в том числе последний раз в 1946–1947 гг. – *Прим. перев.*

лой». Лозунг [«третьей силы»] предполагал консолидацию умеренных демократических элементов против угрозы сталинизма слева и голлизма справа. Лозунг был подхвачен в Англии и других странах и стал одним из импульсов движения в направлении политического и экономического объединения и оздоровления Западной Европы. Тем не менее эти международные тенденции «третьей силы» означали разные вещи для ее различных сторонников. <...> Существуют серьезные противоречия в стратегии и тактике между тремя секторами «третьей силы». В настоящее время наиболее конфликтными полями являются: 1) экономическая политика, 2) религиозный вопрос и 3) проблемы национализма. <...>

Вопросы такого типа в соединении с основополагающими противоречиями по поводу экономической политики и фундаментальными различиями в мировоззрении делают «третью силу» нелегкой коалицией. Ожидания, что движения, участвующие в этих центристских режимах, могут консолидироваться в объединенные партии, нереалистичны. «Третью силу» не стоит рассматривать как зарождающееся единое политическое движение, скорее, это трудно реализуемый сегодня потенциал демократической партийной системы. Соглашение во многом сводится к приверженности демократическим методам и гуманитарной политике благосостояния. Даже если бы существовала перспектива более основательного объединения, его последствия, вероятно, скорее бы ослабили, чем укрепили умеренные демократические силы. Объединенная социалистическо-католическо-либеральная партия оттолкнула бы сторонников доктрин каждого из движений. Различные элементы «третьей силы», может быть, готовы к дружбе, но не к братству. <...>

*Перевод А.И. Блохиной
научный редактор перевода И.В. Кудряшова*